

Г. Геворкян

О ленинской оценке философии Гегеля

Гений революции, великий мыслитель Владимир Ильич Ленин дал замечательный по глубине анализ всего мировоззрения Гегеля, критическую оценку его логического учения, диалектического метода, его взглядов на историю философии и философию истории и т. д. Из всего богатства ленинских идей в этой области в данной статье выделен круг вопросов, относящихся, главным образом, к диалектике, теории познания и логике.

Философию Ленин рассматривал как действенное оружие в борьбе за революционную переделку мира. Те или иные философские вопросы поднимались им в связи с насущными, животрепещущими запросами этой борьбы. В свете этого особый интерес представляет вопрос, почему Ленин на всем протяжении своего многогранного, полнокровного творческого пути неоднократно обращался к философскому наследию Гегеля? Чем же творчество немецкого мыслителя связывалось с революционными буднями России, чем же оно перекликалось с эпохой, когда жил и творил Ленин?

Великие перемены, происшедшие на рубеже XIX и XX вв. и в первой четверти нашего столетия как в области экономического и политического развития общества, так и в развитии естествознания, поставили новые проблемы перед марксистской философской наукой; совершенно в новом свете предстали многие старые проблемы. Так что к оценке философского наследия Гегеля Ленин подошел в иных исторических условиях, чем основоположники марксизма.

В эпоху Маркса и Энгельса материалистическое мировоззрение разделялось большинством ученых; оно царило в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности. Поэтому основоположникам марксизма приходилось больше вести борьбу не в защиту азбучных истин материализма, а против антидиалектики — механистических и метафизических ошибок. «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, — писал Ленин, — естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали диалектический материализм, чем диалектический материализм, больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме»¹. Соответственно в критической оценке философского наследия Гегеля они заботились больше о спасении «ценного плода идеалистических систем, гегелевской диалектики — этого жемчужного зерна, кото-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 315.

рого петухи Бюхнеры, Дюринги и К° (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма»¹.

В эпоху же Ленина в философии борьба перешла в иную плоскость. Со всей остротой встал вопрос об отстаивании именно материализма от натиска буржуазной философии. Причем характерным явилось то, что нападки на материализм исходили из области гносеологии, которая, в отличие от эпохи Маркса и Энгельса, стала ареной ожесточенной борьбы между материализмом и идеализмом.

Перенесение центра философских интересов в область гносеологии и усиление борьбы вокруг теоретико-познавательных вопросов не явилось случайностью. Проникновение научной мысли в тайны строения атома привело к открытию новых форм движения материи и закономерностей микромира, не укладывающихся в традиционные понятия физики. Со всей очевидностью проявился относительный характер человеческого знания. Произошла крутая ломка старых понятий и категорий науки, той науки, которая, в основном, покоилась на материалистической основе. Но с точки зрения этого старого, т. е. механистического и метафизического, материализма необъяснимы были относительность познания, развитие и движение понятий человека, противоречия, проявляющиеся в познающей мысли, опосредованный, а не зеркально-мертвый, характер отражения мира в сознании. Защита старого материализма означала отставание от прогресса науки. Отказ от него означал для естествоиспытателей, не знакомых с диалектикой, отказ от материализма вообще. В этих условиях воскресли, хотя в новом одеянии, старые идеи агностицизма о якобы непознаваемости мира, о «символическом» характере человеческих представлений и понятий и идеалистические утверждения о материи как о фикции, порожденной мыслью. Вместе с крушением метафизических и механистических воззрений, казалось, рушилось все здание материализма.

Вот почему доказательство диалектичности процесса познания, защита диалектики в теории познания означали, вместе с тем, отстаивание материализма. На долю Ленина выпала задача вести борьбу с новейшими потугами идеализма, показать и доказать, что новейшие открытия естествознания вовсе не отвергают материализм вообще, а указывают лишь на ограниченность старого материализма и вместе с тем служат блестящим доказательством современного материализма, материализма диалектического.

Соответственно этому в подходе Ленина к философии Гегеля проявляются два момента.

Рассматривая два главных направления философии и защищая основы материализма против идеализма, Ленин берет философию Гегеля в тех ее чертах, которые роднят ее со всеми другими формами идеализма. Здесь ленинская критика сурова и беспощадна. Ленин бичует «идеалистические бредни и потуги», «филистерство и страх перед материализмом».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 230.

«пошлость и слабость мистика». С точки зрения материализма, отмечает он, различия между формами идеализма, в том числе идеализма объективного и субъективного, второстепенны. Внешне кажется, будто субъективный идеализм в большой мере отличается от объективного тем, что он отрицает существование природы до и вне сознания познающего субъекта, между тем как идеализм объективный признает такую «первичность» природы. По существу же эти две формы идеализма сходятся, и сходятся они именно в гносеологическом плане. В обоих случаях «на деле это не первичность, на деле природа не берется за непосредственно данное, за исходный пункт гносеологии. На деле к природе ведет еще длинный переход через абстракции «психического». Все равно, как называть эти абстракции: абсолютной ли идеей, универсальным ли Я, мировой волей и т. д., и т. п. Этим различаются разновидности идеализма...»¹. Надо быть слепым, говорил Ленин, чтобы не видеть одинаковой идеалистической сути в различных словесных нарядах.

Но не следует полагать, будто абсолютный идеализм Гегеля Ленин во всем отождествлял с другими формами идеализма. Гегелевский идеализм Ленин считал «самым последовательным, самым развитым» идеализмом, которому он, так же, как и Маркс и Энгельс, противопоставлял самый последовательный, самый развитый материализм — диалектический материализм. Абсолютный идеализм Гегеля, будучи самой развитой формой идеализма, является, вместе с тем, последним его словом, дальше которого возможны лишь повторения старого в различных «новых» формах. Он является последним в том смысле, что доводит до завершения то ценное, развитие которого возможно было в рамках идеализма. Ленин особо подчеркивал, что идеализм есть чепуха лишь с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. С точки же зрения материализма диалектического философский идеализм ведет, конечно, к поповщине, но ведет к ней через одностороннее, преувеличенное раздувание, через абсолютизацию одной из граней, оттенков сложного, по существу диалектического, процесса познания. Это ценное, в идеалистической системе Гегеля доведенное до абсолюта, заключалось в подчеркивании активности мышления в процессе познания, в рассмотрении понятий как взаимосвязанных, взаимопереходящих, гибких до тождества противоположностей и т. д., т. е. тех граней и оттенков, сторон и особенностей отражения природы в мысли, которые оставались в тени эмпирико-метафизическим материализмом.

Вместе с тем абсолютный идеализм был последним словом идеализма потому, что он вобрал в себя все слабости и пороки идеализма. «Фейербаху оставался только один серьезный шаг, чтобы повернуть снова к материализму: именно — универсально выкинуть вон, абсолютно удалить прочь абсолютную идею...»².

Материалистически читая Гегеля, Ленин особо подчеркивает то об-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 214.

² Там же, стр. 219.

стоятельство, что в абсолютной идее Гегеля идеализм по существу исчерпал себя. Он высмеивает потуги Гегеля остаться в узких рамках идеализма даже тогда, когда сам предмет его рассмотрения настоятельно требует выхода за пределы идеализма. Этими потугами он объясняет искусственные переходы, абстрактные конструкции и спекулятивность, умоглядность всей его системы. Ленин во многих местах показывает, как Гегель, помимо своей воли, вплотную подходит к материализму. Тут же следует оговориться, что ленинское указание о наличии в гегелевской философии подходов к материализму ни в коем случае нельзя отождествлять с попытками представить ее как материализм. Ленин был беспощаден ко всем и всяким попыткам совмещения или примирения идеализма с материализмом. Говоря о подходе Гегеля вплотную к материализму, Ленин имеет в виду то обстоятельство, что для научной мысли рамки идеализма тесны, и она зачастую выходит за эти рамки. В мистике идей Гегеля можно обнаружить ценные для материализма мысли, если читать Гегеля материалистически, т. е. выкидывать боженьку, абсолют, чистую идею. В частности, Ленин вскрывает половинчатость Гегеля в обосновании идеалистической исходной точки зрения — в доказательстве того, что бог гегелевской философии — абсолютная идея предшествует природе и человеку. Ленин называет «характерным» и «архизамечательным» высказывание Гегеля о том, что «бог в его непосредственном понятии не есть дух... Непосредственно бог есть лишь природа»¹, что «идея, обладающая бытием, есть природа»². Что же привлекает внимание Ленина в этих высказываниях Гегеля? Для ответа на этот вопрос следует вспомнить, что в гегелевской системе философски и логически идея предшествует природе. Реально же она существует в природе, реально она всегда «ограничена внешностью», т. е. природной, материальной формой. В «Философии природы», где Гегель рассматривает инобытие идеи в природе как единство чистого понятия и реальности (т. е., материалистически говоря, как проявление сущности в явлениях, общих закономерностей в конкретных, единичных фактах действительности и т. п.), наиболее четко высказана та мысль, что идея, логически предшествующая природе, как бы умирает в материи, в природе с тем, чтобы с разжертвованием последней все больше и больше снова проявляться, «просвечивать» в ней и «как феникс, омолодившись, выйти из этого внешнего бытия в виде духа»³, т. е. в человеческом сознании. Мысль о том, что идея в качестве единства чистого понятия и его реальности включает себя в непосредственность бытия, является по существу идеалистической. Не это Ленин считает характерным, а то, что если материалистически подойти к мысли Гегеля, можно обнаружить в ней глубокое содержание, ценное для материализма. В том же аспекте интересно и другое высказывание Ленина при конспектировании «Лекций по истории философии». Приводя большую выдержку из Гегеля, где, в частности, говорится, что «в приро-

¹ Гегель, Сочинения, т. V, стр. 633—634.

² Гегель, Сочинения, т. I, стр. 344.

³ См. Гегель, Сочинения, т. II, стр. 548.

де понятие не существует само по себе, не существует в этой свободе как мысль, а облечено плотью и кровью и ограничено внешностью. Эта плоть и кровь, однако, обладает душой, и последняя есть ее понятие»¹, — Ленин замечает: «Это превосходно! Но это и есть материализм. Понятия человека суть душа природы — это лишь мистический пересказ того, что в понятиях человека своеобразно (это NB: своеобразно и диалектически!!) отражается природа»².

Таков первый момент, который должен быть отмечен в оценке Лениным гегелевской философии: непримиримое, беспощадное отношение к идеализму вообще, к гегелевскому в частности, и, одновременно, указание на то, что в мистике идей, в спекулятивных конструкциях Гегеля можно и должно найти ценное для материализма.

Вторым характерным моментом в оценке Лениным философского наследия немецкого мыслителя является подчеркивание им громадного значения гегелевской диалектики, а также логического учения Гегеля для марксистского философского материализма, в частности для его теории познания. Ленин обращался к философии Гегеля не только для критики идеализма современного и прошлого, но, главным образом, для того, чтобы использовать Гегеля в борьбе против метафизики и особенно релятивизма в гносеологии. Ведь, как уже говорилось, в эпоху Ленина идеализм развернул борьбу против материализма именно в гносеологии. Причем характерной особенностью новейшего похода идеализма против материализма являлось то, что идеализм выступал с позиций антидиалектики: он пытался использовать достижения естествознания для насаждения агностицизма, скептицизма, для обоснования релятивизма. Ленину нужно было доказать, — и он блестяще выполнил эту задачу, — что при обнаружении диалектики процесса познания и при диалектическом подходе к теории познания эти новейшие достижения естествознания не только не опровергают, но, наоборот, служат доказательством материализма, а именно: современного, диалектического материализма и опровергают именно идеализм. Одновременно, и это очень важно, Ленин доказал, что те же достижения вовсе не опровергают и старый материализм, а показывают лишь его ограниченность, недостаток, т. е. его метафизичность, механистичность, антидиалектичность.

В этом смысле диалектическая логика Гегеля, по мнению Ленина, может служить прекрасным материалом при дальнейшем развитии марксистской гносеологии, если подойти к ней материалистически, освободить ее от идеалистической шелухи. В аспекте гносеологическом умный, т. е. диалектический идеализм Гегеля, по утверждению Ленина, ближе к умному, т. е. диалектическому, материализму, чем глупый, т. е. метафизический, неразвитый, грубый, материализм³. Этим подчеркивается громадное значение для диалектического материализма логического учения Гегеля, в котором им был развит диалектический метод. В то же время нуж-

¹ Гегель, Сочинения, т. X, стр. 252—253.

² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 266.

³ См. там же, стр. 259.

но отметить, что диалектика, будучи противоположностью гносеологии старого материализма в смысле метода, отнюдь не противоречит исходному положению теории познания всякого материализма, т. е. положению о том, что сознание есть отражение бытия (в силу чего и гносеология всякого материализма по праву является теорией отражения). Между тем следует подчеркнуть, — Ленин особо отмечал это, — что сам Гегель старался опровергнуть материализм именно тем, что диалектический характер процесса познания якобы противоречит **исходной** точке зрения гносеологии материализма. Аргументируя свою мысль, Гегель писал: «Между тем уже само собою ясно, что если истинным считать ощущаемое бытие, то вообще уничтожается необходимость понятия, так что всё без всякого спекулятивного интереса распадается на внешние друг другу вещи, и понимание последних на самом деле скорее опускается в этом воззрении до уровня понимания обывательского здравого смысла»¹. Ленину было очень важно доказать обратное, а именно: что диалектическая теория познания отнюдь не противоречит, а соответствует материалистической теории отражения. И вот он вскрывает ошибочность такого рассуждения Гегеля, которое на разные лады повторялось и после него. Все утверждение Гегеля основано на смешении, точнее — противоположении двух различных вопросов: вопроса об **источнике** познания, т. е. первичности мира и вторичности сознания, и вопроса о **характере** отражения действительности мыслью. Именно это и означает его утверждение, что если «истинным считать ощущаемое бытие», т. е. признать первичность природы, материи, то «необходимость понятия» (признание общего в мысли и в действительности) уничтожается. Ведь материалисты, рассуждал Гегель, за первичное берут материю и считают, что материя, существуя независимо от чувств, все же ощутима. Но, возражал Гегель, материя как таковая есть общее, в некотором смысле создание мысли и абстракция, и, следовательно, не может быть ощущаема в своей всеобщности. «Если абстрагироваться от всех определений, от всякой формы какого-нибудь нечего, — писал Гегель, — то в результате остается неопределенная материя. Материя есть некое безоговорочно абстрактное. (— Материю нельзя ни видеть, ни ощупывать и т. д. — то, что мы видим или ощупываем, есть некоторая **определенная материя**, т. е. некоторое единство материи и формы)»². Нетрудно видеть, что упрек Гегеля относится к сенсуалистическо-метафизическому материализму, с точки зрения которого, действительно, необъяснимо происхождение общих понятий через зеркально-мертвое восприятие единичных, конкретных предметов. И в то же время этот справедливый упрек Гегеля касается ограниченности старого материализма в объяснении характера отражения действительности мыслью, но ни в коем случае не отрицает исходного положения материализма об источнике познания, как это старается доказать Гегель. «Клеветы на материализм!! — восклицает Ленин. —

¹ Гегель, Сочинения, т. X, стр. 362.

² Гегель, Сочинения, т. V, стр. 534.

«Необходимость понятия» ни капли не «уничтожается» учением об **источнике** познания и понятия!!»¹.

И, наоборот, диалектический характер познания, не будучи противоположностью исходной точки зрения всякого материализма, в то же время противоречит именно идеалистической системе Гегеля. Ведь, по Гегелю, мышление и познание человека диалектичны лишь потому, что в них проявляется диалектически развивающаяся абсолютная идея, опосредованная природой. Сама по себе природа не развивается, она и не имеет самостоятельного, независимого от абсолютной идеи существования. Она представляет собой развертывание в застывших, мертвых материальных формах богатства абсолютной идеи. Не материальная природа, по Гегелю, развивается от низших форм к высшим, а абсолютная идея воплощает свое богатство в материальных формах различной степени развития.

Как же логически доказывал Гегель, что объективная диалектика — не в природе, а в идее, предшествовавшей природе? Он серьезно верил, что духовное, т. е. человеческое мышление и познание, не может возникнуть из недуховного, т. е. материального, если в этом материальном не было заложено, хотя и в потенции, духовное начало. Материалистами, говорил Гегель, «совершенно было упущено из виду, что как причина снимается в действии, а средство в осуществленной цели, — так точно и то, **результатом чего должно быть мышление, является скорее снятым в этом последнем, и что дух, как таковой, не порождается чем-то другим, но переводит себя из своего в-себе-бытия в для-себя-бытие, из своего понятия — в действительность...**»². Значит, по Гегелю, духовное начало должно было быть заранее заложено в природе, иначе не мог быть «порожден такой результат, как мышление». Верить и думать, что материя в своем развитии не могла породить «свою противоположность» — дух, значит грешить против диалектики, не рассуждать диалектически. Эту ошибку и слабость мистика-идеалиста отмечает Ленин: «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять **диалектического** перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно»³. Наоборот, последовательная диалектика — материалистическая диалектика — считает, что материя, называемая идеалистами косной, именно в силу диалектичности развития, может породить такой результат, как мышление, так что отпадет необходимость того, чтобы в природе заранее было заложено духовное начало, т. е. отпадает идеалистическая исходная точка зрения. Таким образом, последовательно диалектическим может быть и является материализм, а идеалистическая точка зрения налагает печать своей ограниченности на диалектику.

Из этого следует, что у Гегеля диалектична не природа, а идея. Диалектика развита Гегелем в сфере чистой мысли — в логическом учении — как движение и развитие понятий путем развертывания заложенных в них противоположностей. Причем и у Гегеля объективная диалектика разли-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 272.

² Гегель, *Сочинения*, т. III, стр. 62 (подчеркнуто нами — Г. Г.).

³ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 264.

чается от субъективной. Под объективной диалектикой Гегель понимает «чистое движение мысли в понятиях», предшествующее природе, которое в природе проявляется как логика вещей, а в мышлении человека — как диалектический процесс познания этой логики. Нетрудно видеть, что и объективная и субъективная диалектика сводятся Гегелем к диалектике понятий. Вот почему Ленин говорит, что диалектику вещей (природы) Гегель не открыл, а лишь «гениально угадал в диалектике понятий». В чем же эта гениальная догадка? В том, что диалектика не в рассудке человека, а в абсолютной идее, проявляющейся во внутренней логике вещей, т. е., материалистически говоря, диалектика — в объективной действительности.

Не останавливаясь подробно на диалектическом учении Гегеля и критическом его освоении марксистско-ленинской философией, отметим лишь некоторые важные пункты, особо выделяемые Лениным. Итог и резюме, последнее слово и суть гегелевской логики, согласно Ленину, есть диалектический метод. Но в том виде, в котором диалектика дана в логическом учении Гегеля, она непригодна для применения. Из его логики надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив их от мистики идей: «Это еще большая работа», говорил Ленин. В этой большой работе по материалистическому освоению гегелевской логики Ленин подчеркивает выдающуюся заслугу Маркса. Он сопоставляет «Науку логики» Гегеля с «Капиталом» Маркса и особенно с его первой главой.

В обоих произведениях рассмотрение начинается с самого простого и самого абстрактного. Анализ вскрывает в нем, как в зародыше, противоречия все более сложных и высших явлений, которые развиваются из простого и менее сложного путем развертывания этих противоречий. Но при том же сопоставлении обнаруживаются различия, имеющие принципиальный характер. У Гегеля это диалектическое развертывание происходит в сфере чистой мысли, как развитие и движение понятий. У Маркса же дело обстоит совсем наоборот: в «Капитале» прослеживается действительное развитие товарного хозяйства на основе развертывания тех противоречий, которые не в мысли, а в действительности привели к возникновению капиталистического способа производства с присущими ему антагонистическими противоречиями. Поэтому у Маркса мы имеем не умозрительную картину, а действительную историю капитализма, взятую в ее логической необходимости и освобожденную от нарушающих случайностей и побочных обстоятельств. Диалектика понятий у Маркса есть только лишь отражение диалектического развития действительности.

Вот почему «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля»¹. И в то же время для построения материалистической диалектической логики вовсе не достаточно логики Гегеля. В этом деле следует в первую очередь и полностью использовать богатство марксовых идей, марксовой логики, ибо

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 154.

«если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала»...»¹.

Ленин продолжил дальше начатую Марксом большую работу по материалистическому освоению гегелевской логики и развитию логики диалектического материализма. Из всего необъятного богатства ленинских идей в этой области следует выделить очень важный вопрос о совпадении логики, теории познания и диалектики, разработанной им путем критического освоения гегелевских идей. Логические формы и законы, весь логический аппарат мысли возникли в результате взаимодействия познающего субъекта с объективным миром. Они возникли по тем образцам, которые даны природой, и для того, чтобы отражать природу. Вот почему нет логического строя мысли, нет логических форм и законов вне процесса познания, т. е. до или независимо от их осуществления в процессе мышления и познания. Это значит, что уже объективно логические формы и законы, весь логический строй мысли существует лишь постольку, поскольку через них происходит осуществление познания. Затем, историческое развитие логического строя мысли, последовательность форм и законов мышления соответствует историческому развитию познания: с углублением познания, с усложнением связей и взаимозависимости явлений природы, которые отражаются в мышлении, усложняется и совершенствуется и логический строй мысли с тем, чтобы в более высших логических формах отражать все богатство природных связей. Такое усложнение логических форм, возникновение высших форм мысли из низших наблюдается не только в историческом развитии мышления и познания, но и, в общем и в целом, в каждом отдельном акте познания.

Соответственно тому, как объективно логический строй мысли существует в неразрывной связи с процессом познания, так и наука логики переплетается с теорией познания, ибо нельзя оторвать изучение логики познания от изучения процесса познания.

Мысль о совпадении логики и теории познания высказана и рассмотрена Гегелем на идеалистической основе. Во введении к III отделу («Идея») второй части «Науки логики» Гегеля, отмечает Ленин, «замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии»². Это совпадение логики и гносеологии красной нитью проходит через всё сочинение Гегеля: не случайно, что в «Науке логики» немецкий мыслитель излагает и свою теорию познания, и диалектическую логику в их неразрывном единстве. Не случайно также, что в том же сочинении им изложен и диалектический метод, хотя и в очень абстрактной форме — как диалектика саморазвития абсолютной идеи. Материалистически говоря, отражение природы мыслью не есть зеркально-мертвый акт, а процесс диалектический, развивающийся путем развертывания противоречий. «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное,

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 215.

² Там же, стр. 165.

не цельное отражение, а процесс ряда абстракции, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ...и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»¹. Значит в аспекте гносеологическом мы имеем совпадение логики, теории познания и диалектики. Замечательно и то, что для Гегеля логика есть итог и сумма, обобщение исторического развития познания. История мысли в общем и целом совпадает с законами мышления. В частности, свою логику Гегель излагает вместе с изложением развития философских идей. В начале «Истории философии» Гегель говорит, что последовательность систем философии в истории, если очистить их от внешней формы и частных особенностей, в общем та же, что и «последовательность в выведении логических определений идеи», т. е. (в материалистическом истолковании) ход мысли при изложении философии, логики и вообще всякой науки. И, наоборот, логическое развитие повторяет ход исторических явлений, если, конечно, «уметь «чистые понятия распознавать в исторической форме». Основной же порок гегелевского учения о логическом и историческом в том, что логическое, предшествуя историческому, определяет собою историческое развитие: история становится лишь пассивным инструментом, носителем и средством для проявления логического. Но суть гегелевской мысли очень ценна. Эта суть была унаследована марксистской философией, гениально развита и применена классиками марксизма. «Капитал» Маркса является собой прекрасный образец материалистического применения к конкретной области абстрактно-логического способа, при котором мысль следует историческому ходу развития как самого предмета изучения (товарного хозяйства вплоть до капитализма), так и познания закономерностей того же предмета (политической экономии). «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но (и здесь начинается важнейший пункт расхождения марксистского понимания вопроса от гегелевского — Г. Г.) исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»².

Ленин считал, что творческая работа в этой области должна быть продолжена путем диалектической обработки истории человеческой мысли, науки и техники. Логика и теория познания диалектического материализма должны представлять собой квинтэссенцию истории естествознания, истории техники и истории философии. И, с другой стороны, методологии различных наук должны быть пронизаны диалектической идеей о соответствии логического историческому.

В оценке Лениным гносеологии и логики Гегеля особый интерес представляет вопрос о роли практики в познании, ибо, как известно, теория

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 156.

² Ф. Энгельс, цит. по кн. К. Маркса «К критике политической экономии», Госполитиздат, 1953, стр. 236.

познания диалектического материализма в корне отличается от всякой предшествовавшей ему гносеологии тем, что она кладет практику в основу теории познания и вводит практику в нее как критерий истины. В подчеркивании роли практики в познании — источник силы и жизненности марксистско-ленинской гносеологии. И в этой области идеалистическая диалектика Гегеля несравненно глубже метафизического понимания познания домарксовыми материалистами. Ленин считает примечательным то обстоятельство, что практика у Гегеля стоит как переходное звено к объективной («абсолютной» по Гегелю) истине. Т. е., разъясняет Ленин, практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания. «Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания»¹, отмечает Ленин и ссылается на тезисы о Фейербахе, где Маркс говорит, что активная сторона в познании, хотя и в абстрактной форме, была развита идеализмом. Но в то же время как различно понимание роли практики Гегелем и Марксом! У Гегеля, в силу его идеалистической исходной точки зрения, и речи нет о практике как основе познания вообще и активности мышления человека в частности. Для Гегеля активность присуща мышлению вообще, «чистой мысли», предшествующей природе. Человек с его чувственной деятельностью, его практика есть лишь средство, орудие для самопознания абсолютной идеи. Таким образом, действенным началом является не практика человеческого индивида и человечества, а, в конечном счете, превращенное в абсолют человеческое познание, которому имманентно присуща активность. «Истина для Бауэра, как и у Гегеля — автомат, который сам себя доказывает, — писал Маркс. — Человеку остается следовать за ней...»².

Очень важное место в философском наследии Гегеля занимает критика агностицизма, релятивизма, скептицизма. Ленин, как и Энгельс, считал, что решающее для опровержения этих взглядов сказано уже Гегелем, хотя и критика Гегеля является односторонней и преследует цель не только опровергнуть агностицизм и скептицизм, но и опорочить последовательный эмпиризм (каким Гегель считал материализм). В этом отношении интересен отрывок из сжатого очерка «Энциклопедии» Гегеля, приведенный Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». В этом отрывке Гегель утверждает, что для всякого эмпиризма истинно лишь внешнее, т. е. то, что дано чувствам. Если такой взгляд последователен, то эмпиризм приводит к материализму; если он не последователен, т. е. если, помимо истинно-внешнего, признается существование чего-либо сверхчувственного, то он приводит к агностицизму: ведь с точки зрения эмпиризма сверхчувственное непознаваемо.

Нетрудно заметить, что здесь Гегель старается опорочить материализм тем же, указанным выше, способом. Но следует признать справедливым его упрек по отношению ограниченности эмпирического материализма, который, действительно, оставляет в тени «сверхчувственную сущ-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 183.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство, Сочинения, т. III, стр. 102 (подчеркнуто нами — Г. Г.).

ность». А все то, что Гегелем сказано о порочности «непоследовательного эмпиризма», верно и должно быть использовано для критики всякого агностицизма — прошлого и настоящего.

Из того же отрывка видно, что же Гегель считает главным в агностицистской теории: это — признание, наряду с чувственным, чего-то «сверхчувственного» (например, «вещи в себе» у Канта), которое недоступно познанию. Теоретический порок агностицизма заключается в метафизическом противопоставлении явления сущности, конкретного — абстрактному, ощущения — мысли. «Философы более мелкие спорят о том, сущность или непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо или ставит и, объясняя конкретное содержание этого «и»¹. По мысли Гегеля, к которой одобрительно относится Ленин, как природа, так и познающая мысль не содержат альтернативы «или»: природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть. Агностики из противопоставления чувственного сверхчувственному приходят к выводу о гипотетическом характере человеческого познания (причем это утверждение о гипотетичности человеческого знания может рядиться в различные одежды: «символизм», «теория иероглифов», «понятия как знаки» и т. д.). Ленин весьма положительно отзывается о критике Гегелем такого рода утверждения Канта. Ведь по Канту понятия разума всего лишь идеи, и в них не содержится истины, в них нельзя мыслить ничего, кроме гипотез, «так как они не могут встретиться ни в каком опыте», т. е. лишены чувственной восприимчивости. В противовес этому Ленин, солидаризуясь с Гегелем, отмечает, что абстракции (например, стоимость) лишены вещества чувственности, но они истиннее, чем чувственное или же более близкое к чувственности (закон спроса и предложения), т. е. абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее, чем чувственное восприятие природы. В этом глубоком понимании диалектического процесса познания Ленин видит истинное значение Логики Гегеля, его превосходство перед Кантом.

Гегелем метко отмечена и другая характерная черта познания, абсолютизация которой также приводит к агностицизму. Речь идет о релятивизме. Внешне кажется, что релятивизм — прямая противоположность метафизики, ибо он признает движение и развитие понятий, их гибкость, относительность человеческого знания. Но это — кажущееся различие. На деле же эти две формы антидиалектики сходятся. Они совпадают именно в том, что релятивизм односторонне, т. е. метафизически, отрывает относительность знания от содержащегося в нем абсолютно (и объективно) истинного, метафизически противопоставляет их, гибкость и текучесть понятий возводит в абсолют и в конечном счете приходит к утверждениям об абсолютной относительности, гипотетичности, символичности человеческого знания. Диалектика Гегеля может служить прекрасным оружием в борьбе против модных и поныне теорий агностицизма, релятивизма. Однако следует отметить, что если Гегелем решающее сказано для теоретического опровержения агностицизма, скептицизма и релятивизма,

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 103.

но его критика уступает диалектико-материалистической критике в самом решающем пункте, имеющем определяющее значение для окончательного опровержения агностических воззрений. И Маркс, и Энгельс, и Ленин, приняв на вооружение материалистически истолкованные теоретические доводы Гегеля против агностицизма, в то же время считали, что агностицизм опровергается не одними теоретическими рассуждениями, а практической, миропреобразующей деятельностью человека и человечества. Диалектико-материалистическая критика агностицизма Канта в корне отличается от гегелевской идеалистической критики и тем, что материализм в несостоятельности агностицизма видит не только подтверждение истинности человеческого познания, но и опровержение идеализма и поповщины, а идеалист Гегель критикой агностицизма пытается обосновать идею бога лучше, чем это удавалось Канту¹.

Богатейшее наследие Гегеля представляет для марксизма-ленинизма не только сугубо философский интерес. Философия диалектического материализма развивается в тесной связи с экономическим и политическим развитием общества, с революционной практикой масс. Вот почему Ленин призывал всесторонне овладевать материалистически понятой диалектикой Гегеля для того, чтобы успешно решать теоретические задачи, выдвигаемые самой жизнью. «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля,— писал Ленин, обращаясь к редакции журнала «Под знаменем марксизма»,— мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много»².

Наконец, другим источником развития философии марксизма-ленинизма является теоретическое обобщение новейших достижений естествознания. Новейшее естествознание, говорил Ленин, не может обойтись без философских выводов. И чтобы в этих выводах оно не скатывалось к релятивизму и агностицизму и чтобы оно выдержало борьбу против идеалистических потуг использования этих выводов, естествознание в наше время должен быть сознательным сторонником марксистского — диалектического — материализма. И для этой цели, по мнению Ленина, нужно организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения. «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»³.

Касаюсь оценки Лениным социально-политических взглядов Гегеля,

¹ См. В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 147.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 207—208.

³ Там же, стр. 208.

заметим, что Ленин, отмечая некоторые заслуживающие внимания моменты в «Лекциях по философии истории» (прекрасную постановку многих вопросов во введении, положение о том, что великие события истории складываются из суммирования мелких человеческих интересов и страстей, о том, что человек относится к внешней природе практически, и т. д.), в то же время в итоге заключает, что в области философии истории Гегель наиболее устарел и антиквирован, ибо именно в этой области Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед по сравнению не только с Гегелем, но и всей предшествующей мыслью.

Исходя из того, что в своих социально-политических взглядах Гегель был консерватором, настоящим идеологом непоследовательной немецкой буржуазии своего времени, неоднократно (в том числе и в советской философской науке) делались попытки все его мировоззрение объявить реакционным. Конечно, нельзя игнорировать факт политического консерватизма Гегеля, а также то обстоятельство, что этот консерватизм наложил глубокий отпечаток на его философию в целом: отчасти результатом этого явились идеалистическая исходная точка зрения, система его философии, абстрактные и спекулятивные конструкции, мистика идей. Но нельзя из политического консерватизма Гегеля делать вывод о реакционности всего его мировоззрения, нельзя забывать, — и на это обращает внимание Ленин, — что в рамках идеалистической системы Гегелем был развит диалектический метод — в существе своем революционный метод, ибо из него логически вытекает вывод о том, что в истории человечества так же, как и во всех других сферах, с неумолимой неизбежностью происходит процесс восхождения от низшего к высшему путем гибели старого и отжившего свой век. Но эти выводы Гегелем не были сделаны.

Именно эту революционную сторону гегелевской философии, освобожденную от идеалистической шелухи, наиболее акцентирует в своей оценке Ленин. Его весьма положительные отзывы об исследованиях Гегеля в области изучения мысли и о его диалектической логике в целом дают основание заключить, что именно в этом видел Ленин истинное значение гегелевской философии и именно это клал в основу общей оценки всего научного наследия великого немецкого мыслителя. В этом заключается вклад Гегеля в дело общего исторического прогресса научной мысли, этим он и поныне служит целям и задачам прогрессивных сил человечества.

Философы-марксисты по праву являются настоящими преемниками и «материалистическими друзьями гегелевской диалектики», той диалектики, которую Маркс, Энгельс, Ленин критически освоили и применяли «с таким успехом, что теперь... каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 207.